

ЗАЧЕМ РОССИИ КИТАЙ?

(Размышления по итогам «круглого стола» международной конференции «Россия и Китай в современном мире» и материалам Кирилло–Мефодиевских чтений)

Андрей Владимирович ПОПОВКИН,
кандидат философских наук

В конце апреля 2007 г. во Владивостоке под эгидой ИИАЭ ДВО РАН и ДВГУ состоялась международная научная конференция «Россия и Китай в современном мире», в её программу входил и мастер-класс. Однако благодаря свободной и непринужденной форме общения, заданной председательствующим доктором исторических наук, профессором В.Л. Лариным, мастер-класс в итоге вылился в своеобразный «круглый стол». В нем приняли участие директор Института социального развития Евразии, посол КНР в РФ Ли Фэнлинь, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Ларин, профессора Л. Бузжинский и Араи Нобу из Центра славянских исследований университета Хоккайдо, профессор кафедры всеобщей истории Красноярского госуниверситета В.Г. Дацышен, ученые Института истории ДВО РАН, других регионов России, а также Китая и Японии.

Основной проблемой «круглого стола» был вопрос, поставленный проф. В.Л. Лариным, на который он предложил ответить как молодым, так и маститым ученым: *зачем России Китай?* Ведь достаточно ясно, что у российской политической элиты, равно как и у российской интеллигенции, нет однозначного ответа на этот вопрос, нет даже двух — трех его альтернативных вариантов. С другой стороны, судя по четкой и планомерной политике Китая в отношении России и российского Дальнего Востока не менее очевидно, что у Китая есть ответ на обратный вопрос: *зачем Китаю Россия?*

Сегодня наблюдается определенный кризис российско-китайских отношений, а потому пора определяться со стратегической линией их развития, иначе это случится само собой, не без активного влияния Китая, ибо, как выразился господин посол, «Китай ждать не будет».

Прежде чем высказать свои размышления о том, зачем России Китай, хотелось бы привести достаточно жесткое и прагматичное высказывание профессора В.Г. Дацышена о стратегии России в отношении Китая. Он утверждал, что в ближайшей и, скорее всего, дальнейшей перспективе Россия как страна с европейской культурой будет ориентирована на развитие отношений с Европой. В отношениях же с Китаем Россию интересовало и будет интересовать главный вопрос: отсутствие международных

проблем в дальневосточном регионе. Несмотря на то, что это заявление вызвало среди присутствующих жаркие споры (в первую очередь о том, насколько Россия европейская страна), думается, оно очень хорошо отражает реальное положение дел.

Однако может ли Россия позволить себе «выключение» Китая из сферы своих активных интересов? Дело здесь даже не в самой России. В настоящее время политики активно говорят о «многополярном мире», но, как отметил молодой ученый из АмГУ Е.В. Гамерман, тезис о многополярности подспудно несет идею противостояния полюсов и не адекватен смыслу, который в него вкладывается политическими деятелями, поскольку полюса составляют бинарную оппозицию. Гораздо уместнее в данном контексте было бы говорить о полицентричном мире.

Эти размышления вызвали живой интерес у господина Ли Фэнлиня. И не случайно — дипломаты и политики отлично понимают: от того, в каких терминах описывается та или иная ситуация, во многом зависит возможность ее конструктивного разрешения. Мы полагаем, что термин «полицентричный мир» недостаточно точно схватывает современные реалии, ибо допускает возможность воспринимать «центры» как политические атомы — практически независимые друг от друга единицы политического, экономического и культурного бытия. Очевидно, это не так. Наиболее ярким феноменологическим образцом, отражающим ситуацию в современном мире, является, на наш взгляд, глобальная компьютерная сеть Интернет. Она состоит из центров или узлов более-менее самостоятельных. Что характерно — узлы сети Интернет вовсе не равны друг другу, как не равны друг другу и современные государства. Однако суть идеи Интернета в том, что при повреждении связи между любыми двумя из его узлов связь между остальными не разрывается. Поэтому, если один из узлов не «пожелает» (или не сможет) общаться с другим, связь между ними все равно останется, например, через другие узлы — если вы в сети, то вы в принципе потенциально доступны для любого из узлов, а любой другой узел — для вас. Кстати, о «сетевом мире» говорили еще древние. Например, в буддийских сутрах можно найти очень яркий и поэтичный образ — это сеть Индры, в узлах которой драгоценные камни, и в каждом из них отражаются все остальные.

Итак, в «сетевом» мире нет и не может быть политических, культурных или экономических «атомов», никто не может в одностороннем порядке решить не взаимодействовать с кем-либо другим. Если это так, в чем мы уверены, тогда Россия действительно должна определиться с вопросом: зачем ей нужен Китай? Иначе все результаты российско-китайских отношений будут для нее сюрпризами и притом не обязательно приятными. Выстраивание отношений с Китаем по принципу минимизации проблем в современных условиях, скорее всего, не годится.

В то же время достаточно очевидно, что России нет особого смысла форсировать экономические или технологические контакты с Китаем — в этом отношении Европа и США действительно гораздо более

перспективные партнеры. Да и с точки зрения Китая, в отношении России ситуация, видимо, не слишком отличается. По поводу платформы для строительства отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона очень глубокую, на наш взгляд, мысль выразил игумен Георгий (Шестун) во время состоявшихся во Владивостоке Кирилло-Мефодиевских чтений¹. Суть ее состоит в том, что идти в Азию нам пока не с чем, жители стран АТР боятся и не хотят видеть у себя советского человека. Сейчас они нас уже не боятся, но мы им еще не интересны. Однако, чем же русский человек может заинтересовать Азию? Игумен Георгий очень тонко и верно подметил, что народы Тихоокеанского региона — это мистические народы, и, если они увидят в России носителя особой духовной культуры, это, несомненно, их заинтересует.

Таким образом, можно утверждать, что наибольшие перспективы развития отношений России с Китаем в современных условиях лежат не в сфере чистой экономической прагматики, а в области диалога культур. Однако ясно, что Россия до сих пор не определилась: как и зачем ей вступать в диалог с Китаем? Что же нам мешает? По всей видимости, то, что мешает построению добрых отношений вообще между людьми, — непонимание и страх.

Тема пресловутой «китайской угрозы» была, конечно же, затронута на «круглом столе». В словах китайской стороны слышалось недоумение, а российские ученые пытались объяснить всё российскими внутривнутриполитическими играми и жадностью падких на сенсационные страшилки СМИ. Однако, что с этим делать, ни экономисты, ни историки не предлагали, ограничиваясь фактами и рассмотрением вышеуказанных причин. Но в данной ситуации знание причин несколько не приближает нас к решению проблемы: в самом деле, мы ведь не можем начать оплачивать нашим СМИ кампанию по созданию положительного имиджа Китая, не говоря уже о прокитайской цензуре политических выступлений.

Таким образом, прежде чем отвечать на вопрос, «зачем России Китай?» следует решить задачу, «как нам перестать беспокоиться по поводу Китая?»

Итак, основной источник беспокойства или, по крайней мере, главное средство его поддержания — соответствующие публикации в СМИ. Что поддерживает эти публикации? Известно, СМИ любят сенсации, но здесь дело не просто в любви. Как убедительно показывает Н. Луман в своей работе «Реальность массмедиа»², средства массовой информации на самом деле не особо интересуются ни самой информацией, ни ее распространением в массах! СМИ интересуют именно новости. Конечно, в них есть *новая* информация, но и это не главное. Гораздо важнее другое: новости — это такая форма подачи информации в массы, которая способна порождать другие новости (например, по поводу первых новостей). С этой точки зрения «китайская угроза» — идеальная новость, поскольку ее обсуждение в обществе и, следовательно, генерация «новых» но-

востей просто не может быстро прекратиться и легко набирает обороты. И не так-то просто заставить СМИ отказаться от столь лакомого блюда. Нам необходимо предложить что-то взамен.

Заменить страх могло бы нечто, столь же глубоко укорененное в человеческой природе, а именно удивление. И чтобы удивление было конструктивным, оно должно вырастать на почве осмысления инаковости Китая. В этом вопросе наиболее перспективной нам видится выдвинутая профессором С.Е. Ячиным концепция метакультуры, которая определяется им как культура, осознавшая себя в отношении к иному. Россия имеет богатый опыт развития в этом направлении: спор западников и славянофилов есть типично метакультурный продукт русской культуры, пытающейся осознать себя в отношении к культуре европейской. Китай в плане метакультурного развития открывает для России на порядок более глубокие перспективы. В самом деле, отличие Китая от всей западной цивилизации, включая и занимающую особое положение Россию, иногда просто потрясает вдумчивых исследователей. Наиболее прямо это выразил А.И. Кобзев, говоря о различии китайской и европейской культур: «Их взаимная полярность имеет очень глубокие антропологические, а не только социальные и историко-культурные корни, выражаясь в различии психотипов и, возможно, отражая разные варианты сапиентации человека в двух разных и достаточно удаленных друг от друга точках Земного шара»³.

Не будем далеко ходить за примерами, иллюстрирующими специфику китайского менталитета. Начнем с самого, пожалуй, заметного — китайской иероглифики. Она обуславливает как минимум два специфических момента. Во-первых, древнее название китайского языка «вэньян» производно от слова «вэнь» — узор. Следовательно, для древнего китайца изначально в речи был важен ее «узор» — некое символическое выражение, можно даже сказать, телесность. У замечательного русского философа П. Флоренского есть работа «Магичность слова»⁴, где он показывает и доказывает, что слово есть не только смысл, но и его носитель, своего рода тело, и как таковое оно обладает способностью прямого действия на реальность. Для китайского же ума, по крайней мере, со времен Конфуция, магичность слова-символа, запечатленного в иероглифе, совершенно очевидна и не нуждается в доказательствах.

Во-вторых, наличие в иероглифике так называемых «ключей-классификаторов» ярко отражает еще одну особенность китайского мышления — это классифицирующее мышление. Тексты китайских мудрецов переполнены классификационными схемами. Однако это вовсе не логические классификации, подобные разделению по родам и видам. Вообще возникновение формальной логики предикатов в Китае было затруднено по ряду причин. Достаточно подробный их разбор дан А.И. Кобзевым в работе «Учение о символах и числах в китайской философии»⁵. Среди основных причин могут быть названы две. Первая — это собственно китайское иероглифическое письмо: китайцам просто нечем было

записывать формальные высказывания, ведь Аристотель делал это *не имеющими собственного смысла буквами* греческого алфавита, а иероглифы для этой цели, очевидно, не годятся. И вторая — древнекитайский язык не знает глагола «есть» (англ. «to be»). Соответственно и древнекитайская философия не знает бытия или небытия, а только наличие и отсутствие. Поэтому на вэньяне нельзя сказать: «А есть В», а можно только: «А относится к В». Таким образом, китайскому мышлению присуща именно логика отношений и акценты оно делает именно на конкретных связях — корреляциях. Потому ряд известных китаеведов, в том числе и Дж. Нидэм, называют китайское мышление *коррелятивным*.

Можно привести пример сравнительного исследования типов осмысления мистического опыта в даосско-буддийских учениях и в русской философии. Известно, что в даосско-буддийских психотехниках важное место занимает стремление к тотальности переживания настоящего момента. Так, описывая переживание самадхи (просветления), дзенский мастер Сэкида Кацуки восклицает: «Настоящее, настоящее и настоящее!»⁶ Акцент на настоящем избавляет человека от преднамеренности, влекущей за собой его обусловленность и несвободу. Альтернативой обусловленного поведения в даосско-буддийских практиках выступает спонтанность, внутренняя свобода человеческого духа. Эта свобода, обретаемая восточными мудрецами, весьма привлекательна для современного человека и не в последнюю очередь тем, что это свобода не от жизни, она не требует отречения от мира, это свобода внутри самой жизни, в самой ее сердцевине. Особенно ярко это проявлено в даосизме с его поисками индивидуального физического бессмертия. Одновременно, автора этой статьи, как и, наверное, многих людей с европейским, а тем более с русским пониманием личности, не устраивало восточное отношение к ней. Суть этого отношения выражается в отрицании, отбрасывании личности на пути духовного самосовершенствования. Такое отношение к личности в корне противоречит русскому и западному мировоззрению.

В то же время всякий, кто знаком с текстами русской и восточной философии, замечает их общую направленность на постижение природы человека и Абсолюта. Точнее, направленность на осмысление природы человека в его соотнесенности или даже укорененности в Абсолюте.

Но вот почему эта соотнесенность была осмыслена даосско-буддийской традицией как безличностная?

Было удивительно обнаружить ответ на этот вопрос в трудах *русского* философа С.Л. Франка. Он исходит из того, что актуально в своей полноте непосредственно наличествующей в опыте реальностью для нас является, строго говоря, только настоящее (поскольку прошлого уже нет, а будущего еще нет). Это полностью и непосредственно данное в опыте бытие обычно и считается собственно нашим внутренним бытием, поскольку внешнее отличается тем, что дано нам опосредованно, например, через органы чувств.

Итак, именно в миге настоящего, на котором акцентирует Дзен, нам дано наше подлинно внутреннее (имманентное) бытие. Миг же не имеет длительности вообще — он лишь граница между прошлым и будущим. И потому *чисто имманентное бытие человека совершенно безличностно*, «ибо под «я» мы разумеем *времяобъемлющее единство личности*»⁷. Эта идея достаточно очевидна, если мы примем во внимание, что наши личностные качества во многом определяются нашей памятью и нашими надеждами. А то, что мы имеем в минимуме чисто внутреннего бытия — миге настоящего — будет не субъективное или объективное бытие, а некое *нейтральное бытие вообще*. Ведь всякому субъекту или объекту необходимо сколько-нибудь длиться.

Таким образом, китайская, а точнее даосско-буддийская мудрость, погружаясь в созерцание внутреннего бытия человека, приходит к абсолютизации нейтрально-безличностного бытия данного нам в миге настоящего. В нирваническом миге настоящего мы действительно получаем вожделенную свободу от причинно-следственной, говоря восточным языком, кармической, обусловленности бытия, поскольку причина и следствие подразумевают временную последовательность. Только западным поклонникам дзенской свободы следует помнить, что и нашего «я» в этом миге настоящего тоже, строго говоря, нет.

Этот пример ярко показывает: если мы хотим глубже понять Восток, имеет смысл обратиться, как это ни покажется странным, к нашей русской философии и посмотреть, как она осмысляет занимающие восточных мудрецов проблемы. После этого яснее станет то новое, что говорит нам Восток и чего не было никем сказано на Западе. То же самое можно сказать об углублении нашего понимания русской философской мысли.

Говоря об осознании инаковости других культур, нельзя не отметить, что сам Китай, по-видимому, вполне отчетливо осознает свою инаковость перед остальными. Так, например, на вопрос, заданный профессором Л. Бужинским, о том, не являются ли судебные дела против коррупционеров в Китае отражением внутривнутриполитической борьбы в китайском правительстве и не приведет ли смена поколений в китайском правительстве к смене ориентации политического курса в отношении России, господин Ли Фэнлинь ответил выступлением, суть которого вкратце сводилась к тому, что «нельзя говорить о ситуации в Китае *в таких терминах*». Из его слов явствовало, что Китай осознанно сопротивляется попыткам «западных ученых» (в основном политологов и социологов) описывать ситуацию в Китае не китайскими терминами. В терминах теории социальных систем Н. Лумана это означает, что Китай удерживает свой контур самоописания, обеспечивая тем самым устойчивость своей социальной системы. (Вспомним, что именно с разрушения контура самоописания — так называемая «гласность», которую ввел М.С. Горбачев — начался крах социально-политической системы Советского Союза).

Другой момент, который сразу бросается в глаза человеку, не привычному к китайскому политическому дискурсу, — пристрастие китайцев к девизам и лозунгам. Нам, пережившим советскую эпоху с ее партийными лозунгами, это кажется до боли знакомым и набившим оскомину, но на самом деле это не так. Китайские лозунги в отличие от советских аналогов действительно работают! Осмелимся высказать предположение, что эти программные лозунги суть классификационные матрицы, в отношении которых чиновники среднего и нижнего звена осмысливают текущую ситуацию и принимают решения. Если угодно, по типу ответственности их можно сравнить с правилами поведения для цивилизованного человека. Подтверждение нашей догадке мы находим у М. Гране в его книге «Китайская мысль». Вот что он говорит по поводу манеры китайцев строить умозаключения: «Ни принцип причинности, ни принцип противоречия не наделены тем влиянием, которым наделены руководящие правила...»⁸ Вообще китайцы, по его утверждению, «...осмысливают мироздание так, словно бы оно регулировалось протоколом, и отладить его на манер церемониала — цель, к которой... они стремятся. Их мораль, их физика, их логика всего лишь различные стороны того действенного знания, каковым является этикет»⁹.

Итак, зачем же России нужен Китай? С точки зрения теории метакультуры, ответ очевиден: Китай необходим России как то иное, рефлектируя которое, русская культура смогла бы в максимальной степени раскрыть собственные потенции. При этом мы вовсе не утверждаем, что Россия должна чему-либо учиться у Китая. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих нашу мысль. Холистичность китайской мысли, ее стремление не только различать, но и согласовывать, конкретность, чуткое внимание к переменам и гармонии, нашедшие отражение в даосско-буддийских доктринах, не может не вызывать восхищения. Российская культура имеет подобные, но в то же время и глубоко иные концепции. Это, в первую очередь, идея соборности и концепция всеединства, получившие развитие в русской философии. Несомненно, что в наше время настала пора вновь обратиться к этим идеям, дабы они, в свою очередь, задавали вектор социального и культурного развития новой России.

Прекрасна этическая система Конфуция, до сих пор господствующая в китайском обществе. По многим аспектам похожа на нее православная этика, и в то же время они бесконечно далеки друг от друга, поскольку, хотя конфуцианство и знает «благородного мужа», но ничего не знает о Личности, которая есть «несводимость человека к природе»¹⁰, этого бесценного дара христианства человеческой культуре. Особую чуткость к проблематике Личности всегда проявляло именно православие, и именно Россия, а точнее, российская власть, отличается сложным и неоднозначным отношением к человеческой личности. Не получится ли у нашего государства, опираясь на безличностную социальную этику наших соседей, разобраться, наконец, в своем отношении к человеку и выработать целостную и разумную социально-политическую культуру?

Надеемся, что приведенные выше рассуждения достаточно убедительно показывают перспективность для России культурного диалога с Китаем. Однако все еще остается вопрос: можно ли говорить о прагматической ценности такого диалога? Или иначе: как строить деловые отношения в рамках метакультуры?

В поисках ответа на этот вопрос будем исходить из двух тезисов. Первый: примем концепцию, трактующую *метакультурные отношения как развертку на уровень культуры межличностного общения*¹¹. Второй: будем опираться на интуицию М. Бубера о существовании *двух типов несводимых одно к другому отношений, в которые может вступать человек (личность, Я): Я — Ты и Я — Оно*.

Согласно М. Буберу все прагматические отношения реализуются по типу Я — Оно или, иначе говоря, по типу субъект-объектных отношений, когда все — и люди, и вещи — становятся предметами, с помощью которых достигается поставленная субъектом цель. Этой идее созвучна русская народная мудрость: «на деньгах друзей нет», «дружба — дружбой, а табачок — врозь» и т.п.

Подлинно же межличностное общение разворачивается только в Я — Ты отношении. В нем нет никаких объектов, это чистый диалог двоих, для которого весь остальной Мир выступает только как фон. Наиболее яркими примерами такого рода общения являются отношения влюбленных или подлинно дружеские отношения.

Согласно рассуждениям М. Бубера человеческое «я» существует только в одном из этих отношений, и они дают настолько взаимоисключающую картину мира, что никогда не возможны одновременно. Однако в практической жизни, как мы знаем, друзья вполне могут осуществлять совместные предприятия (вспомните хотя бы свои детские «приключения» с друзьями).

Таким образом, наш исходный вопрос, «как строить деловые отношения в рамках метакультуры?», в какой-то мере аналогичен вопросу, «как делать бизнес с друзьями, чтобы при этом не потерять дружбу?» Ответ вроде бы очевиден: по справедливости. Однако здесь кроется одна проблема: наши представления о справедливости обычно базируются на нашей же «объективной» оценке своих и, главное, чужих потребностей и ресурсов. Как правило, именно несовпадение критериев справедливости и приводит к недопониманию и конфликтам (мы не рассматриваем случаев прямого мошенничества).

С другой стороны, если мы поднимемся с уровня прагматических субъектно-объектных отношений (отношений по типу Я — Оно) на уровень подлинно межличностный (Я — Ты), то в этом случае мы получаем возможность увидеть Другого именно как другую Личность во всей его инаковости. И только если мы подлинно видим Другого, а не нашу «объективную» реконструкцию его возможностей и потребностей, имеем шанс приблизиться к настоящей справедливости. Лишь в этом случае деловые отношения не будут разрушать межличностных, но, напротив — будут воспитываться и оживляться ими. И тогда, возможно, мы увидим

новый тип бизнеса: построенный, скорее, на принципе сотрудничества, а не конкуренции (кстати говоря, не вполне аутентичной русской православной культуре). Отметим, что такого рода социальные отношения в полной мере будут соответствовать пока еще мало востребованной в современной российской культуре идее *соборности*, развитой русской религиозно-философской мыслью.

В заключение отметим, что наша статья вовсе не претендует на окончательный ответ или рецепт решения проблемы российско-китайских отношений. Нашей целью было лишь показать перспективность подхода к решению этой проблемы в контексте новой идеи *метакультуры*. Мы понимаем, что эта концепция, открывая новые возможности, ставит перед нами и новые проблемы, одна из которых может быть сформулирована так: каким образом мы можем вовлечь в метакультурное общение те культуры, которые не знают европейско-христианской идеи Личности (а к таковым могут быть отнесены почти все азиатские культуры). У нас нет пока ответа на этот вопрос, но, если духовная интуиция русской православной Церкви верна и Абсолют действительно содержит личностное измерение, тогда ответ на этот вопрос может и должен быть найден, и любой человек может быть вовлечен в межличностный диалог, равно как и любая культура может подняться до метакультуры.

¹ Выступление игумена Георгия на Кирилло-Мефодиевских чтениях во Владивостоке 16 мая 2007 г., секция «Тихоокеанская Россия в пространстве межкультурного диалога».

² Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.

³ Кобзев А.И. Глобальная культурная альтернатива: Восток — Запад. Введение в проблематику курса. <http://homo.fizteh.ru/programs/culture/kobzev.htm>

⁴ Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Христианство и культура. М.; Харьков, 2001. С. 244.

⁵ Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1993.

⁶ Кацуки С. Практика Дзэн. М., 2004. С. 96.

⁷ Франк С.Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия // С нами Бог. М., 2003. С. 175.

⁸ Гране М. Китайская мысль. М.: Республика, 2004. С. 233.

⁹ Там же. С. 234.

¹⁰ Лосский В.Н. По образу и подобию // Боговидение. М.: «ООО Изд-во АСТ», 2003. С. 654.

¹¹ Выступление С.Е. Ячина на Кирилло-Мефодиевских чтениях во Владивостоке 16 мая 2007 г., секция «Тихоокеанская Россия в пространстве межкультурного диалога». Владивосток, 2007.

SUMMARY: The article written by Candidate of Historical Sciences Andrei Popovkin “What for China to Russia?” considers possible perspectives of the Russian–Chinese relations on the base of the conception of “meta–culture”. Such term means culture that realized itself in her relation to the other object. In such a context China, that possesses not only a unique culture but mentality quite different from that of European, give a chance to the Russian culture to enter into a new level of self–realization in qualitative aspect. The article also touches the problems of realization of business relations on the base of meta–cultural dialogue.